

употребила в письме слово «волнения» в том смысле, что гимназисты очень огорчены отставкой лучшего и любимейшего учителя.

– Да... Так вот, я хотел предупредить через вас других учеников, чтобы они не устраивали никаких демонстраций против директора, потому что это может только повредить Галабутскому. Я же лично... не могу ничего сделать, так как я недавно беспокоил министра по поводу постройки нового здания гимназии... Галабутский поступил, конечно, благородно, но ведь другие же подписали эту бумагу, так следовало и ему. Зачем непременно выделяться?.. Придётся уже примириться с его удалением. Я вообще... я держусь взглядов... я собственно не...

Айвазовский вдруг смутился и запутался в словах, ожидая, очевидно, подсказки. Но гимназисты молчали. Волошину было непонятно, за кого же великий художник хочет себя в конечном итоге выдать – за консерватора или либерала. Тем временем Айвазовский всё же нашёлся:

– Я не сторонник деспотизма и сознаю, что у нас в России совершается много неприятных вещей. Но что ж: сознаёшь это, а нужно всё-таки примиряться. Ведь вот в Академии художеств был совершенно такой же случай с Куинджи...

Далее последовал рассказ о Куинджи, который, надо полагать, слиберальничал, и ни к чему хорошему это, естественно, не привело, после чего Пешковский спросил осторожного мариниста о деле Спитковского. Айвазовский встрепенулся:

– О, это дело я улажу, это я сделаю.

Потом, вспоминает Волошин, «он ушёл, оставив нас завтракать. Было ясно, что он предполагал, что в гимназии чуть не бунт, и положение его было довольно комично, когда он узнал, что всё спокойно. Когда мы позавтракали, он позвал нас к себе в студию». Вот такой неоднозначной получилась встреча Волошина с крупнейшим художником-маринистом. Что же касается Галабутского, то вместо «долгожданного перевода» в Одессу последует его переезд в Керчь (Волошин получит от него фото с надписью «Любимому ученику»); Спитковский же окажется студентом Киевского университета.

6 июня 1897 года Максимилиан Волошин получает аттестат зрелости, в котором зафиксированы следующие результаты: Закон Божий – 4, русский язык и словесность – 5, логика – 4, латинский язык – 4, греческий язык – 3, математика – 4, физика – 4, история – 5, география – 4, немецкий язык – 3, французский язык – прочерк. Ни шатко ни валко. И не так беспроблемно, как было в московской гимназии. Всё идёт к тому, что продолжать обучение Макс будет в университете на филологическом отделении. Волошин действительно сдаёт документы в Московский университет, но – очевидно, в память об отце – на юридический факультет. 1 августа он становится студентом.

ПУСТОТА И БЕСПЛОДНОЕ ИСКАНИЕ

Мы ищем лишь удобства вычислений,
А в сущности не знаем ничего...

Космос

Приехав 23 августа в Москву, Волошин остановился у бабушки, Надежды Григорьевны Глазер (Смоленский рынок, Проточный переулок). Занятия ещё не начались, так что можно было побродить по столице, сходить в театр: «Лес» Островского в театре Корша, «Ревизор» Гоголя в Малом (выбор спектаклей, надо полагать, неслучаен – Макс участвовал в гимназических постановках обеих пьес). Пустое здание университета произвело на студента «унылое и мрачное впечатление: полутёмные, мрачные, холодные коридоры с каменными полами, в которых гулко отдаётся каждый шаг...». Вообще ему поначалу грустно и одиноко в Москве. Но вскоре приезжает Пешковский, поступивший на филологический факультет и

поселившийся в соседнем доме. Друзья гуляют по Москве, посещают Исторический музей.

Начинаются занятия. Однако, как и следовало предположить, страсть к литературе и истории перевесила интерес к юриспруденции. Волошин посещает лекции преимущественно на историко-филологическом факультете, предпочитая осваивать курсы по истории западных литератур XIX века (А. Н. Веселовский), истории Франции XIX века (С. Ф. Фортунатов), истории политических учений XVIII–XIX веков (А. А. Кизеветтер). Из «своих» дисциплин Макса привлекало разве что римское право (В. А. Легонин). Небезразличен юноша и к политической экономии (А. И. Чупров), которой заразился ещё в гимназии. Круг интересов начинающего студента, как в зеркале, отразится в его творчестве. А пока что в дневнике появляется любопытная запись: «Религия – это занавеска – иногда пёстрая и красивая, иногда грязная и ободранная, которую люди стараются скрыть от себя страшное неизвестное. Большинство боится взглянуть прямо в эту неизвестную тьму, как дети, которые боятся заглянуть и войти в тёмную комнату».

Волошина всё больше захватывает московская культурная жизнь. Он посещает театры, бывает на художественных выставках, входит в курс современных литературных течений. В Большом театре Макс слушает оперу К. Сен-Санса «Генрих VIII», в Большом зале Российского благородного собрания – увертюру Ф. Мендельсона-Бартольди к комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь», в частной опере С. Мамонтова – «Псковитянку» Н. Римского-Корсакова, которая произвела на него огромное впечатление как своей музыкой, так и игрой Федора Шаляпина. И, уж конечно, «самое сильное впечатление» получает он от того же Шаляпина – Мефистофеля, присутствуя на опере Ш. Гуно «Фауст» в Русской частной опере (театр Солодовникова). Волошин переводит поэму Гейне «Германия. Зимняя сказка», изучает «Философию Канта» Кронера, «Дарвинизм» Ферьера, читает роман «Голод» К. Гамсуна, смотрит драму-сказку «Потонувший колокол» в постановке К. С. Станиславского, присутствует на вечере памяти В. Г. Белинского (50-летие его кончины) в актовом зале университета, слушает лекцию А. Ф. Кони «Князь Владимир Одоевский» в Историческом музее, ведёт переписку с А. М. Петровой, Ю. А. Галабутским, бывшей феодосийской гимназисткой Верой Нич, с которой у него сложились очень тёплые отношения.

Завязываются новые знакомства – с народовольцами мужем и женой Жебуневыми, будущим писателем, ныне студентом – Георгием Чулковым и его сестрой Любой. У тех же Жебуневых на новый 1898 год Макс встречает Елизавету Петровну Эфрон, также народоволку, приехавшую из Харькова вместе с детьми, Петром и Анной. Осенью того же года сближается с любимым учеником профессора-экономиста И. Х. Озерова – Львом Львовичем Кобылинским, который прославится как поэт-символист Эллис. Тогда же это был ни в чём не знавший середины юноша, увлекавшийся политэкономией и финансами, с воспалёнными от бессонницы глазами, стремившийся всех покорить своими докладами. Но всё же лучшими его студенческими друзьями и спутниками становятся Михаил Павлович Свободин и Фёдор Карлович Арнольд. Первый из них, сын известного артиста Павла Матвеевича Свободина, умершего на сцене, в будущем раскрылся как поэт сатирического плана, но уже тогда проявил свой лирический дар, снискавший одобрение друга отца Антона Павловича Чехова, а также недюжинные способности переводчика. Второй, в недалёком будущем – присяжный поверенный, после революции – юрисконсульт, не удостоился литературной славы, но посвятил в своих воспоминаниях несколько строк студенту Волошину: «Издали Макс был похож на портрет Маркса, только был очень толстый (хотя и подвижный), с лёгкой походкой, пышной шевелюрой рыжеватых волос и лучезарной улыбкой на лице». Он был одним из тех людей, «от которых исходит постоянный ровный свет. Они принадлежат всем и никому в частности».

А вот ещё один выплывающий из прошлого «силуэт» Волошина. Где-то в начале 1898 года он посетил Елизавету Эфрон, проживающую в Москве в собственном доме (Мыльников переулок), читал ей стихи Надсона. Тринадцатилетняя Лиза Эфрон, та самая «Лиля», которая будет столь заметной фигурой в Коктебеле, запомнит «толстого нескладного молодого

человека в серой тужурке».

Однако важна и самохарактеристика, собственный взгляд на себя. В этом отношении нам поможет так называемая «тургеневская» анкета, распространявшаяся среди студентов. 20 апреля 1898 года заполнял её и Макс. Вот несколько его ответов: *«Ваша любимая добродетель ? – Самопожертвование и прилежание... Ваше любимое занятие ? – Путешествие и разговор вдвоём. Отличительная черта Вашего характера ? – Разбросанность. Как Вы представляете себе счастье? – Владеть толпой. Как Вы представляете себе несчастье ? – Потерять веру в себя... Если бы Вы были не Вы, чем бы Вы желали бы быть? – Пешковским. Где бы Вы предпочли жить ? – Где меня нет. Кто Ваши любимые прозаики ? – Диккенс, Достоевский. Кто Ваши любимые поэты ? – Гейне, Гауптман и я. Кто Ваши любимые художники и композиторы ? – Репин, Леонардо да Винчи, Каульбах, Деларош, Бетховен, Шуман. Ваш любимый герой в истории ? – Лассаль, доктор Гааз, Гракхи, Христос, Ульрих фон Гуттен. Ваша любимая героиня в истории ? – Шарлотта Корде, Софья Перовская. Ваша любимая героиня в романе ? – Сонечка Мармеладова, Ганнеле, Гретхен. Ваш любимый герой в романе? – Маркиз Поза, Дон-Кихот, Идиот... К чему Вы больше всего питаете отвращение? – К наукам, глупости и неопрятности. Кого Вы больше всего презираете из исторических личностей? – Людовик XIV, Аракчеев, Александр III. Каково Ваше настоящее душевное состояние? – Лучезарность. К какому пороку Вы имеете больше всего снисхождения? – К преувеличиванию и лени. Вообще ко всем, которые я чувствую за собой...»*

Оставим эти ответы без комментариев. Отметим лишь, что наряду со сторонником политических компромиссов, шиллеровским маркизом Позой (персонажем вполне «волошинским»), выделены экстремистка, убийца Марата, Шарлотта Корде и террористка-народоволка Софья Перовская, участница покушений на Александра II. Напомним, что Макс 21 год, и взгляды его в какой-то мере отражают общие настроения «прогрессивной» молодежи накануне трёх революций.

3 января следующего года Волошин вновь заполняет анкету, и вот какие данные прибавились к уже имеющимся: *«Любимое качество у мужчины и женщины? – Отсутствие в характере специфических особенностей своего пола и способность понимать причины действий других людей, широкие взгляды. Счастье ? – Жить полной духовной жизнью. Несчастье ? – Ни одной чертой, ни одной способностью не выделяться из толпы – полная ординарность... Кем бы желали быть? – Народным вождём вроде Лассаля, Гарибальди или Кая Гракха. Где бы предпочли жить? – В тех местах, откуда я каждую минуту мог бы уехать, а ещё лучше – в дороге...»* К любимым прозаикам добавился Чехов, поэтам – Некрасов, Байрон и Верлен (кандидатура самого себя была на этот раз отведена), художникам – Крамской, композиторам – Григ и Римский-Корсаков. В качестве героини была названа русская женщина 1870-х годов, презираемые исторические личности – все правящие классы во все времена и у всех народов. А любимый девиз был сформулирован очень симптоматично: «Всё понять – всё простить».

Волошинская «разбросанность» и желание «всё понять» побуждают студента задуматься о переходе на естественный факультет, ведь естественные науки – «основа всякого знания». Елена Оттобальдовна не одобряет этих намерений сына, видя в нём «будущего человека пера». Феодосийскую же подругу Макса Веру Нич волнует в этой связи другой вопрос: что для него важнее – люди или книги? Ей кажется, что Волошин влюблён «в поэзию, в книги, в самого себя» – и больше ни в кого влюбиться не может.

Люди или книги... Уж в чём в чём, а в отсутствии общения с самыми разными людьми Макса упрекнуть было невозможно. Он часто бывает в гостях на Воздвиженке у Сергея Константиновича Лямина. Сергей Константинович, муж Елизаветы Оттобальдовны Глазер, рано умершей тётки поэта, служил инженером путей сообщения. Волошин был близок и с его детьми, Еленой (Лёлей), Любой и Мишей. В записной книжке поэта (1898) описывается «семейный обед у Ляминах» под заголовком (правда, невыделенным) «Отцы и дети». Приведём здесь выборочно застольный разговор, в котором важную роль играет Волошин и

представим его в качестве: «Макс – дипломат».

Двадцатичетырехлетняя Люба, обойдя своим вниманием бабушку, Надежду Григорьевну, вдруг спохватилась и вспомнила, что она – хозяйка:

– Не хотите ли, бабушка, ветчины?

– Да кто же, Люба, ветчину после окончания обеда ест?

Вмешивается отец, Сергей Константинович:

– Ты бы должна была предложить ветчину бабушке раньше, до обеда. И обыкновенно принято угощать ветчиной... в виде закуски.

– Да я считаю, что это всё равно. Я думала, что окорок стоит на столе... и что, может, бабушка хочет... Да и зачем же предлагать... Всякий берёт, что хочет... А по моему мнению, если есть ветчина, пусть и едят, а я не... хочу угощать... и...

Бабушка смотрит удивлённо и строго.

– Однако ты своего соседа, господина Пешковского, угощала всё время и считала это нужным, а меня не считаешь нужным угощать?

Ехидная реплика младшего брата Миши:

– У них теперь всегда так – по-новому.

И тут-то подключается Макс, ущипнув Мишу под столом:

– Мне кажется, что, собственно говоря, окорок составляет неотъемлемую часть пасхального стола и потому Люба права, не угощая бабушку ветчиной. Во время Пасхи принято окорок есть и до и после обеда – когда угодно. Что же касается до Пешковского, то его необходимо угощать или, по крайней мере, напоминать ему, что перед ним стоит окорок, а не что-нибудь иное, а то он, по рассеянности, может принять ветчину за труп и начать её анатомировать.

Сергей Константинович, оценив ход:

– Bravo, bravo, Макс! Ты настоящий адвокат, видимо, это, готовишься к профессии юриста. У тебя язык хорошо подвешен. И ты можешь говорить, не стесняясь обстоятельствами.

Вставляет слово и другой дядя поэта, Григорий Оттобальдович Глазер, бывший архитектор:

– Да, когда он говорит, остальным нужно только молчать и поучаться.

Однако бабушка не сдаётся и «поучаться» не желает:

– Хотя вы, Сергей Константинович, конечно, в университете не учились и поэтому сравнительно с ними человек необразованный, а они ведь себя теперь очень умными считают, и вот вы говорите, что Макс хорошо говорит, а вот наша Кикимора, с которой Макс занимается, говорит, что он не умеет говорить – заикается или не выговаривает там чего – я уж не знаю. Пересказывать, словом, не может.

Сергей Константинович, умиротворяюще:

– Ну, это, может, он там конфузится, а тут в кругу своих...

Действие это происходило, судя по всему, 5 апреля. А вот ещё одна сцена, в которой участвуют та же бабушка, Макс и некто, обозначенный «Г.» (Гриша, возможно, Григорий Оттобальдович). Здесь Волошин в ином качестве: «Макс – философ». «Накатывает» вновь бабушка:

– Макс, что же это ты и на урок в блузе ходишь?

– Да, а что?

– Да так... Странно, по-моему, не идёт.

– Почему же – ведь это гимназический костюм. Разве то, что было для меня в прошлом году совсем прилично, сделалось теперь неприлично?

В разговор вступает Г.:

– Почему же тебе в таком случае не надеть матросской рубашечки и не ходить в таком костюме?

– Зачем же? Это маскарад. Я рядиться вовсе не хочу, а надеваю то, что мне удобно.

– Удобно! Ему удобно! И потому он будет ходить в неприличном костюме.

– Этот костюм вовсе не неприличный. Его, во-первых, все гимназисты носят, а потом ведь и граф Толстой такую же блузу носит.

– Граф Толстой! А?! Сравнивает себя с графом Толстым. Макс и граф Толстой! Скажите, пожалуйста! Да ты сперва дорости до графа Толстого. Графа Толстого все знают, и Катька, вот, графа Толстого знает. Вон он там «Галку» написал – и Катька читала. А ты попробуй-ка написать «Галку». Граф Толстой носит! Носит у себя дома, а когда нужно в гости ехать, так и он сюртук надевает.

– Однако ведь моя блуза ущерб никому не приносит. Кант говорит, что то действие безнравственно, которого нельзя обобщить, а между тем, если вы себе даже представите, что все люди оденут блузы, от этого никому неприятностей не произойдёт. Следовательно, блуза ничего ужасного не представляет.

– Ну вот ещё – Кант!.. Гимназическая блуза и Кант. Педант немец, который никогда не вылезал из вицмундира!.. – и т. д.

Итог дискуссии подводит развязавшая её бабушка:

– Это уж у них в роду – и мать его также эксцентрические костюмы любит. Я помню, когда она только что вышла замуж, то упросила Александра Максимовича сшить ей русскую рубашку и шаровары для гимнастики – ну а потом и начала всё время так бегать. Александр Максимович, конечно, был этим недоволен.

Что ж, по поводу одежды Волошину ещё столько предстоит услышать! А сколько будет сказано за глаза...

И, наконец, третье действие. Точнее, это уже монодрама: «Макс – теоретик-моралист». «Общего критерия нравственности не существует и существовать не может: он изменяется сообразно духу времени и индивидуальных особенностей отдельного человека. Единственное правило нравственности – это страстное познание истины и стремление честно провести то, что считаешь истиной, в жизнь.

Что есть истина? Каждый понимает её по-своему, хотя все идут одним путём. Этот путь – познание, т. е. наука. В этой разности познания и лежит суть общественной жизни – борьба: каждый борется за свою истину и этим исполняет долг перед обществом» (из «Записной книжки» за 1898 год).

Ну и чтобы завершить эту литературно-философско-драматургическую композицию, дающую представление о Волошине, только перешагнувшем двадцатилетний рубеж, приведём здесь стихотворение «Доля русского поэта», написанное в том же году.

В вековом исканьи света,
В тине пошлости и зла
Доля русского поэта
Бесконечно тяжела.
Жажда жизни, жажда воли
Истрадавшейся душой –
Тяжелее этой доли
Не сыскать другой!
Не жилища в этом мире
Наша муза. Ведь она
В глубине самой Сибири
Жгучим горем рождена.
Эти песни прилетели
И родились среди степей
В буйном ропоте метели
Под зловещий звон цепей
Под запорами острога,
В душной камере тюрьмы.
Боги! Боли слишком много,

Счастья здесь не сыщем мы.
И с надорванной душою,
Исстрадавшийся от мук,
Наш поэт с своей тоскою
Умирать идёт на юг.
Юг служил всегда могилой
Нашей музыки. И поэт
Здесь мечтал собраться с силой,
Видя моря блеск и свет.

Стихотворение не закончено. А тема «русского поэта» и его «тёмного жребия» – только начата. Она станет одной из главных в творчестве Волошина, где-то с конца 1900-х годов.

Вернёмся, однако, вместе с поэтом в университет. Всё пока идёт довольно буднично, монотонно, бесконфликтно. Макс учится, ходит по театрам, 17 декабря 1898 года смотрит чеховскую «Чайку» в Художественном. По некоторым данным, на этом спектакле присутствовала и будущая жена Волошина Маргарита Сабашникова. Но «цельность несознанного счастья» ещё не перешла в «тихий синий свет» общей «сказки». Они познакомятся только в 1903 году.

Творческий темперамент, жизненная энергия юного Макса требовали выхода. Этим обстоятельством наряду с природным добролюбием можно объяснить его активное включение в общественную жизнь университета. В компании с друзьями он намеревается выпускать периодические сборники, что-то вроде литературно-публицистических альманахов, однако этому начинанию не суждено было осуществиться. В ноябре 1897 года Волошин становится членом Попечительства о бедных, совершает обходы с опросными листами. Несколько позже его избирают заместителем председателя Крымского студенческого землячества (точнее – заместителем представителя Крымского землячества в Исполнительном комитете объединённых московских организаций).

Тем временем атмосфера в стране, городе, да и самом университете становится всё более наэлектризованной. Поэт ощущает себя в «искусственно созданном... парнике, в который доступ внешним впечатлениям и свежим струям закрыт». Однако Волошин старается быть в курсе дел. Уже тогда его позиция активного гуманизма проявляется в полной мере. В том же, 1898 году двадцатилетний студент с группой единомышленников выступает в поддержку Эмиля Золя, вставшего на защиту офицера французского генерального штаба Альфреда Дрейфуса, против которого реакционные круги сфабриковали дело по обвинению в государственной измене в пользу Германии. Юношеский максимализм Волошина, его чувство справедливости не знают государственных границ. Беззаконие русских или французов – то и другое было для него одинаково неприемлемо.

Впрочем, внимание поэта вскоре полностью переключается на события в России, которые непосредственно затрагивают московское студенчество. Да и не только московское. Состоявшийся в марте 1898 года I съезд РСДРП стимулирует беспорядки. Р. Гуль в романе «Азеф» сравнивает Императорский Санкт-Петербургский университет с «муравейником, в котором пошевелили палкой». Единичные случаи недовольства по конкретным поводам перерастают в тотальное возмущение. Запрет ректора университета В. И. Сергиевича отмечать годовщину основания учебного заведения традиционным шествием по Невскому проспекту переполняет чашу терпения. Студенты, встреченные полицией у Дворцового моста (где произошла потасовка), вскоре начинают бойкотировать занятия.

Подобные настроения наблюдаются и в других городах. 8 февраля 1899 года (с событий в Петербурге) начинается Всероссийская студенческая забастовка. 15 февраля к забастовке присоединился Московский университет. Макс Волошин – среди наиболее активных застрельщиков беспорядков. А ведь лежала в канцелярии университета характеристика гимназиста Волошина, в которой говорилось «об отрицательном мирозерцании» этого отрока и о том, что «в гимназии он пользовался большим влиянием

на товарищей, но не всегда в хорошую сторону». Не учло руководство, не сделало надлежащих выводов, и вот пожалуйста: вновь потянул своих товарищей этот недоучившийся поэт в «нехорошую сторону». Его темперамент народного трибуна находит выход в «разного рода агитациях». 15 февраля происходит «громкая сходка» студентов в анатомическом театре. Макс выступает в актовом зале (по другим данным – в библиотеке). Полиция принимает меры. В числе других возмутителей спокойствия (58 студентов, в числе которых и Михаил Свободин) его отчисляют из университета.

Происходило всё это примерно так. 16 февраля в 10 утра студент Кириенко-Волошин был арестован у входа в университет; при этом «ещё целые сутки ждать заставили». Было заведено дело, подписано свидетельство об увольнении из учебного заведения и принято решение: «ввиду отсутствия средств» отправить злоумышленника этапом в Феодосию, под надзор полиции. Что и было исполнено: пристав 1-го участка Пречистенской части сажает бывшего студента на поезд, и тот отбывает в Феодосию, куда прибывает 20 февраля. На другой день там появляется и Свободин. Друзья снимают небольшую квартиру и отправляются к полицмейстеру, который вручает им «свидетельства о неблагонадёжности». Макс входит в роль и начинает подводить под своё положение теоретическую базу, обратившись к марксизму, идеи которого в 1890-е годы витали в воздухе. Он даже просит мать привезти ему из Москвы первый том «Капитала».

Сокрушаться по поводу своего времяпрепровождения у ссыльного Волошина не было никаких оснований. Несмотря на «надзор полиции», он не был лишён свободы передвижения. Вместе со Свободиним он отправляется на два дня в Ялту, посещает Массандру, любитесь водопадом Учан-Су. Воспользовавшись оказией, друзья дважды навещают Чехова, беседуют с ним о студенческих делах; Волошин делится своими впечатлениями от постановки «Чайки»; Антон Павлович даёт ему ряд полезных советов в отношении литературного мастерства. В апреле неунывающий Макс – уже в Коктебеле, взбирается на Карадаг, сетуя на то, что Мишель Свободин явно за ним не поспевает. О своём состоянии Волошин сообщает в письме к профессору Ивану Христофоровичу Озерову, специалисту в области экономики, с которым Макс в последний московский период заметно сблизился: «Я по целым дням сижу у окна, в которое глядится море, и читаю, пишу, занимаюсь... а когда надоедает, то на целый день ухожу в горы».

Вскоре здесь становитсялюдно. Приезжают сёстры Лямины, кузен Волошина Яков Александрович Глотов (Якс или Аякс), студент-юрист Московского университета, позже здесь появляется Фёдор Арнольд. В июне предпринимается путешествие из Ялты в Севастополь, с незабываемым подъёмом на Ай-Петри, осмотром дворца Воронцова в Алушке, посещением Мангупа. Волошин, естественно, в роли проводника, стремящегося, если верить Лёле Ляминой, постоянно «сокращать путь». Потом, уже в июле, Феодосия, куда компания (или часть её) приплывает на «товаро-пассажирском» пароходе.

Хоть Волошин на время и выключен из общественной жизни, но интерес к ней у поэта не убывает. Он узнаёт, что в середине марта студенческая забастовка в Московском университете возобновилась, занятия были прекращены и на этот раз все участники событий объявлены исключёнными. Теперь уже студентам, желающим вернуться в университет, необходимо подать особое прошение. Да и то принимать будут «по усмотрению начальства». Волошин категоричен. 21 марта он пишет в Москву матери: «Я подавать прошение не буду, считая это со своей стороны подлостью». Успокаивая его, Озеров сообщает, что из 800 человек половина студентов, очевидно, будет принята обратно.

Весной из Москвы в Крым возвращается Елена Оттобальдовна. Необходимо что-то решать с дальнейшей учёбой сына. По примеру своего друга Пешковского Макс намерен поступить в один из зарубежных университетов – Брюссельский или Берлинский. Он даже начинает просчитывать в уме ситуацию: в Берлине можно прожить на 20–25 рублей в месяц – это совсем недорого, это ему по карману. Елена Оттобальдовна таких планов не одобряет. Почему бы не поступить в Юридический лицей, в Ярославле, а ещё лучше – вернуться в Московский университет. Но для этого опять-таки требуется представить соответствующее

прошение с обязательством «подчиняться университетским правилам», то есть примириться со всем тем, против чего выступали студенты. Да это же себя не уважать...

Решение откладывается, а тем временем Волошин вместе с матерью и дочерью П. П. Теша – Евгенией собираются за границу. Макс предстоит впервые пересечь границу, посетить Италию, Швейцарию, увидеть Берлин и Париж. Два года студенческой жизни в Москве, как позже оценил их поэт, оставили у него «впечатление пустоты и бесплодного искания». Нужны были новые впечатления, иной масштаб познания мира. «Родина духа» раздвигала свои пределы. Памятуя мысль Чехова, брошенную им при личной беседе, что «учиться писать можно только у французов», Волошин устремляется к своим новым литературным учителям и школам. Ему двадцать два. «И мир, как море пред зарёю...»

ТУДА – В ПРОСТРАНСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МИРА...

Ты будешь Странником
По вещим переputьям Срединной Азии
И западных морей,
Чтоб разум свой ожечь в плавильных горнах знания...

Подмастерье

Собирались в дорогу. Строили планы. Составляли маршрут. Изучали «немецкие Бедекеры, особенно Швейцарию». В пути Макс намерен усиленно заниматься немецким языком. От Яши Глотова в августе 1899-го приходит известие, что в университет Волошин может быть принят лишь осенью 1900 года. Что ж, прекрасно, оценивает ситуацию бывший мятежник, ведь теперь «можно будет остаться за границей до следующего августа».

Наконец, в путь. Из Коктебеля – в Феодосию, затем – несколько дней в Киеве, с посещением собора Святого Владимира. И вот уже пересечена граница с Австрией. «Вдруг мелькнул перед окнами вагона столб и около него австрийский часовой в кепи». Вечером 6 сентября приехали в Краков. «Утром мы побежали смотреть город: старый, красивый, зелёный, на каждом шагу отдающий польским средневековьем». Вечером – отъезд в Вену, где предстояло пробыть четыре дня. Вена «привела в неистовый восторг. Слепляли и её нарядные улицы своей непривычно европейской внешностью, магазины своей роскошью, и громадные здания, и особенно, конечно, картины и памятники» (из письма И. Х. Озерову). Следующий пункт назначения – Венеция. «Первое впечатление так ошеломило, что нервы как-то совсем притупились...» В четырёх строчках (позднее превратившихся в двадцать) выражены его ощущения от города, которому суждено было быть воспетым В. Шекспиром и Ф. Шиллером, Д. Г. Байроном и Т. Готье, Г. Джеймсом и Э. Хемингуэем, А. Блоком и Н. Гумилёвым, Б. Пастернаком и О. Мандельштамом:

Венеция – сказка. Старинные зданья
Горят перламутром в отливах тумана.
На всём бесконечная грусть увяданья
Осенних тонов Тициана.

Впрочем, в записной книжке поэта фиксируются и весьма прозаические факты: в Лугано «взяли абонементный билет по Швейцарии» на месяц. Мы узнаём, что стоило это 65 франков. А вот и другие данные:

Альпеншток 4 фр.
Сапоги с гвоздями 15 фр.
Тирольская шляпа 5 фр.
Швейцар. сыр 1 фр. 25 сант.